

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.15>

UDC 343.141
LBC 67.410.2

Submitted: 12.01.2026
Accepted: 27.02.2026

PROTOCOLS-AS-EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: NORMATIVE-ONOMASTIC ANOMALIES

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper presents the results of the latest stage of the author's research related to the essence and purpose of the results of procedural-cognitive techniques subject to documentation. These techniques involve the visual-figurative perception of fragments of objective reality – so-called non-verbal investigative and judicial actions. The paper examines normative-onomastic anomalies of protocols-as-evidence, i.e., known peculiarities in legislative approaches to their naming. The **purpose** of the paper is to propose scientific hypotheses regarding the reasons that predetermined the normative-onomastic anomalies of protocols-as-evidence. **Methods:** the preparation of the paper employed the general scientific research methods: the dialectical method of cognition, the method of systems analysis, the formal-logical methods, etc., as well as the special methods: the formal-legal method, the historical-legal method, etc. **Results:** the conducted research has allowed for the assumption that the observed normative-onomastic anomalies of protocols-as-evidence arose due to the lack of a proper theoretical foundation for protocols of investigative actions and court sessions. **Conclusions:** 1) a terminological inconsistency in the naming of these information assets should be unconditionally eliminated by making appropriate amendments to the criminal procedure legislation; 2) changing the very name of protocols-as-evidence is unnecessary, at least premature. The most reasonable measures appear to be those aimed at ensuring a gradual habituation to the new name of such means of proof by clarifying these issues in doctrinal sources.

Key words: evidence, court record, protocols of investigative actions, results of non-verbal investigative actions, results of non-verbal judicial actions, means of proof, formation of evidence.

Citation. Rossinskiy S.B. Protocols-as-Evidence in Criminal Proceedings: Normative-Onomastic Anomalies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 118-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.15>

УДК 343.141
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 12.01.2026
Дата принятия статьи: 27.02.2026

ПРОТОКОЛЫ-ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НОРМАТИВНО-НЕЙМИНГОВЫЕ АНОМАЛИИ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье излагаются результаты очередного этапа научных изысканий автора, связанных с сущностью и предназначением подлежащих протоколированию результатов процессуально-когнитивных

приемов, предполагающих наглядно-образное восприятие фрагментов объективной реальности – так называемых невербальных следственных и судебных действий. Рассматриваются нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств, то есть известные странности в законодательных подходах к их наименованию. **Цель** статьи сводится к выдвижению научных гипотез о причинах, предопределивших нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств. **Методы:** в ходе подготовки статьи использовались общенаучные методы исследования: диалектический метод познания, метод системного анализа, формально-логические и др., а также специальные методы: формально-юридический, историко-правовой и др. **Результаты** проведенного исследования позволили предположить, что наблюдаемые нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств возникли вследствие отсутствия надлежащей теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания. **Выводы:** 1) шероховатость, состоящая в различных наименованиях данных информационных активов, подлежит безусловному устранению посредством внесения соответствующих коррективов в уголовно-процессуальное законодательство; 2) изменение самого названия протоколов-доказательств является излишним, по крайней мере преждевременным. А наиболее разумными представляются меры, состоящие в обеспечении постепенного привыкания к новому наименованию таких средств доказывания посредством разъяснения данных вопросов в доктринальных источниках.

Ключевые слова: доказательства, протокол судебного заседания, протоколы следственных действий, результаты невербальных следственных действий, результаты невербальных судебных действий, средства доказывания, формирование доказательств.

Цитирование. Россинский С. Б. Протоколы-доказательства в уголовном процессе: нормативно-нейминговые аномалии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 118–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.15>

Введение

На общем фоне множества актуальных вопросов, присущих теории и нормативно-правовому регулированию уголовно-процессуальной деятельности, дознавательской, следственной, прокурорской, адвокатской и судебной практике, важнейшее место принадлежит различным проблемам доказывания в целом, сущности, познавательной ценности и аргументационного потенциала отдельных видов доказательств в частности. Поэтому неудивительно, что именно они некогда и предопределили основное направление научных исследований автора настоящей статьи. А особый интерес с легкой руки профессора Ю.К. Орлова вызвали проблемы, связанные с использованием в уголовно-процессуальном доказывании протоколов следственных действий и судебного заседания – протоколов-доказательств.

Итоги соответствующих изысканий последовательно излагались в различных научных публикациях, а их квинтэссенция была представлена на строгий суд читателей в успешно защищенной в начале 2016 г. докторской диссертации. Прежде всего, был сделан вывод о необходимости признания подобных протоколов не столько стоящими в одном ряду с показаниями, экспертными заключениями

и т. д. доказательствами (средствами доказывания), сколько документальными «приспособлениями» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего восприятия новыми субъектами познания. Тогда как доказательствами (средствами доказывания), то есть накапливаемыми в ходе процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда, а затем подлежащими использованию для обоснования правоприменительных решений и позиций сторон информационными активами, было предложено считать не протоколы, а сами результаты подлежащих протоколированию процессуально-когнитивных приемов, предполагающих наглядно-образную перцепцию фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, – так называемых невербальных следственных и судебных действий. Поэтому в публикациях автора настоящей статьи все подобные средства доказывания, вопреки официальной позиции законодателя, стали именоваться не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами невербальных следственных и судебных действий [6, с. 44–45; 7, с. 91 и др.].

Вместе с тем у автора никогда не возникало намерений останавливаться на достигнутом. Напротив, за прошедшие годы интерес к проблематике результатов невербаль-

ных следственных и судебных действий (протоколов следственных действий и судебного заседания) лишь усилился. Автор постоянно размышлял над данными вопросами, периодически уделял им внимание в монографиях, статьях, прочих научных работах, участвовал в их обсуждении на конференциях, круглых столах и т. п. мероприятиях. Постепенно ранее высказанные позиции были дополнены, «отполированы», усилены новыми доводами, а некоторые даже подверглись частичному переосмыслению. В частности, появилось достаточно четкое осознание причин, предопределивших нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств, то есть известные странности в законодательных подходах к их наименованию. Рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Суть нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств

Итак, в соответствии с находящимися в системном единстве п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, Кодекс), протоколы-доказательства признаются одной из допустимых к использованию в уголовном судопроизводстве разновидностей средств доказывания. Однако говорить об их должном нормативном нейминге явно не приходится! Напротив, исходя из содержания указанных положений, в них усматриваются по крайней мере две достаточно заметные нейминговые аномалии.

Во-первых, невозможно оставить без внимания не выдерживающие никакой критики различия в наименованиях подобных протоколов. В «титულной», то есть специально предназначенной для раскрытия сущности этих средств доказывания, ст. 83 УПК РФ они называются «протоколами следственных действий и судебного заседания» либо дифференцированно «протоколами следственных действий и протоколами судебных заседаний». Тогда как в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ используется несколько иное нейминговое словосочетание: «протоколы следственных и судебных действий». Хотя любому специалисту хорошо известно, что никаких протоколов судебных действий не бывает, поскольку содержание и

результаты производимых судом процессуально-когнитивных приемов согласно ст. 259 УПК РФ подлежат отражению в единых протоколах судебных заседаний. А в статье 285 УПК РФ говорится лишь о подлежащих оглашению в ходе судебных разбирательств протоколах следственных действий – о протоколах судебных заседаний, также вполне предрасположенных к подобным оглашениям (например, в суде апелляционной инстанции и т. п.), почему-то вообще не упоминается.

Правда, данную нормативно-нейминговую аномалию вряд ли стоит рассматривать как предмет серьезных научных изысканий. Скорее всего, она возникла вследствие отсутствия надлежащей теоретической основы протоколов-доказательств, а также достаточно пренебрежительного отношения авторов проекта Кодекса к своей работе. Но тем не менее оставить указанную законодательную шероховатость без должного внимания все же нельзя!

И, во-вторых, невозможно не заметить еще одной неоднократно упомянутой в прежних публикациях автора нормативно-нейминговой аномалии, возникшей в период формирования раннесоветского уголовно-процессуального права, а затем как бы по инерции перекочевавшей в последующие законодательные акты, в том числе в действующий Кодекс. Эту аномалию надлежит усматривать в наречении таких доказательств протоколами следственных действий и судебного заседания (именно протоколами!) – в их ошибочном позиционировании как процессуальных документов, то есть в нарушении единообразных подходов к пониманию различных средств доказывания. Ведь вполне очевидно, что в отличие, например, от показаний и экспертных заключений протоколы являются не столько самими предполагаемыми к использованию для нужд уголовной юстиции информационными активами (определенными конфигурациями полезных сведений), сколько документальными «приспособлениями», как бы подходящими «бюрократическими контейнерами» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего восприятия субъектами процессуального познания, не принимавшими непосредственного участия в соответствующих следственных и судебных действиях.

А причины возникновения такой нормативно-нейминговой аномалии в сравнении с предыдущей видятся гораздо более сложными и неоднозначными. Однако, по всей вероятности, их тоже следует связывать с несформированностью надлежащей теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания, отсутствием системы соответствующих научных положений, признаваемых большинством, по крайней мере, какой-то частью ученых-процессуалистов. Конечно, автору настоящей статьи в свое время удалось сделать определенные шаги в указанном направлении и даже посчастливилось добиться некоторых, как представляется, позитивных результатов. Однако по прошествии столь незначительного срока – примерно десяти лет – говорить об их признании коллегами в качестве теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания еще преждевременно. К тому же период творческой активности автора наступил уже после принятия УПК РФ, в связи с чем высказанные идеи и предложения могут оказаться полезными лишь для дальнейших правотворческих инициатив.

Несформированность теоретической основы протоколов-доказательств

Протоколы-доказательства почему-то не заслужили столь пристального внимания научного сообщества, какое традиционно уделялось другим средствам доказывания. Говоря о таких информационных активах, ученые-процессуалисты обычно довольствовались попытками толкования положений закона. Например, суждения дореволюционных авторов, как правило, ограничивались разъяснениями соответствующих требований Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. [5, с. 201; 10, с. 292–293 и др.] Хотя в некоторых публикациях все же можно усмотреть фрагментарные, к слову, совершенно верные идеи, направленные на должное уразумение сущности протоколов-доказательств [11, с. 308–312]. А самой точной оказалась лаконичная реплика М.В. Духовского – смысл подобных протоколов был связан с невозможностью сохранения имеющих значе-

ние для уголовного дела предметов в натуральном виде [2, с. 248].

Свойственные 1920–1950-м гг. взгляды на протоколы-доказательства тоже преимущественно сводились к толкованиям соответствующих положений раннесоветского уголовно-процессуального права. Правда, авторам, в отличие от дореволюционных предшественников, все-таки приходилось уделять определенное внимание вопросам разграничения подобных протоколов, в первую очередь протоколов осмотров, с другими письменными документами – такая потребность вытекала из смысла ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.) и соответствующих статей других союзно-республиканских кодексов [8, с. 101]. Тогда как в остальном никакого особого интереса к проблематике протоколов-доказательств по-прежнему не существовало – советских ученых гораздо сильнее привлекали различные виды показаний, экспертные заключения и вещественные доказательства. Однако и среди них находились желающие сказать о протоколах нечто большее [12, с. 327].

Некоторое усиление интереса к проблематике протоколов-доказательств появилось лишь в 1960–1980-х гг. ввиду известной реформы уголовно-процессуального законодательства. Так, в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г., ч. 2 ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.) и соответствующих статьях прочих союзно-республиканских кодексов подобные информационные активы были впервые официально признаны автономными средствами доказывания (источниками доказательств) – четко разграничены с иными документами. Попутно были приняты первые попытки легализации дефиниций протоколов-доказательств – одна из них стала предусматриваться в ст. 87 УПК РСФСР 1960 года. В этой связи ученые-процессуалисты начали проявлять несколько большую активность в данном направлении. И в первую очередь были высказаны здравые мысли о фиксации в протоколах результатов непосредственного наблюдения (восприятия) сотрудниками органов предварительного расследования либо участниками судебных заседаний

фрагментов объективной реальности: обстановки определенных мест, следов преступлений, явлений, поведения определенных лиц и т. д. [1, с. 43; 9, с. 301–303] Но такие суждения являлись весьма фрагментарными, недостаточными для создания полноценной теоретической основы протоколов как средств уголовно-процессуального доказывания. К тому же, исходя из общего контекста соответствующих публикаций, они (суждения) предполагали высокую степень интуитивности, по крайней мере не были подкреплены результатами более обстоятельных изысканий.

Конечно, в позднесоветский период существовали достаточно благоприятные условия для продолжения научных исследований в указанной сфере. Имелись и все предпосылки для формирования надлежащей совокупности теоретических положений о протоколах-доказательствах. Ведь в стране наблюдался беспрецедентный подъем уголовно-процессуальной науки, разрастались и множились научные школы и центры, в расцвете творческих сил находились выдающиеся ученые-процессуалисты и т. д.

Однако эти шансы были упущены – в последние годы XX столетия ввиду известных причин для теории уголовно-процессуального доказывания наступили далеко не лучшие времена: количество реализуемых научных «проектов» сократилось, а их качество заметно снизилось. Кроме того, на фоне резкого изменения политического климата возникли совершенно иные и, увы, во многом чуждые национальным традициям приоритетные направления научной работы в области уголовного судопроизводства. В предмет проводившихся исследований все чаще стали попадать различные аспекты состязательности, обеспечения прав личности, презумпции невиновности, суда присяжных и т. п. Тогда как интерес к проблематике доказывания начал постепенно утрачиваться, разве что за исключением конъюнктурной увлеченности ряда авторов вопросами допустимости доказательств. В этой связи начатые было ранее изыскания в части протоколов следственных действий и судебного заседания фактически прекратились. Взамен ученые-процессуалисты за редкими исключениями [3, с. 216–217; 4, с. 161–162 и др.] стали по-прежнему огра-

ничиваться незамысловатыми разъяснениями соответствующих положений закона. А в последние годы такие разъяснения ожидаемо дополнились вполне заслуженной критикой ст. 83 УПК РФ и призывами к реставрации содержащейся в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. советской нормативной дефиниции протоколов-доказательств, предполагающей перечисление обуславливающих их формирование процессуальных действий.

Версии возникновения нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств

В любом случае причины, некогда приведшие к появлению нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств, остаются и, скорее всего, останутся доподлинно неизвестными – никаких внятных «следов» таких правотворческих решений до настоящего времени обнаружить не удалось и, видимо, никогда не удастся. Поэтому в данном случае можно довольствоваться лишь соответствующими гипотезами. Наиболее состоятельными из них, как уже отмечалось выше, представляются версии, в той или иной степени связанные с отсутствием должной теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания как средств уголовно-процессуального доказывания.

Так, нормативно-нейминговая аномалия, выраженная в наречении подобных информационных активов протоколами, то есть в их ошибочном позиционировании в качестве процессуальных документов, по всей вероятности, возникла вследствие перманентного оставления без должного внимания прежнего, в первую очередь бытовавшего в дореволюционный период отношения к уголовно-процессуальному доказыванию как к исключительному атрибуту судебной деятельности, не свойственному работе иных должностных лиц. Ведь ранее доказательства прямо назывались судебными – по сути, подразумевалось, что любые подлежащие использованию для нужд уголовной юстиции познавательные активы могли рассматриваться и оцениваться в качестве полноценных средств доказывания лишь представителями судебной власти. Тогда как осмотры, освидетельствования, обыски, прочие невербаль-

но-когнитивные приемы зачастую проводились полицией (иными внесудебными органами). Поэтому в бытовавших ранее представлениях о результатах невербально-когнитивных приемов именно как о протоколах в целом не было ничего странного – суды действительно всегда получали и продолжают получать подлежащие исследованию и использованию в судебных заседаниях (!) сведения об обнаруженных и воспринятых полицейскими либо иными внесудебными чиновниками материальных фрагментах объективной реальности, элементах вещной обстановки посредством ознакомления с содержанием составляемых ими (чиновниками) протоколов.

Правда, при формировании соответствующих положений законодательства почему-то никогда не учитывались собственные полномочия представителей судебной власти (вначале «царских» судебных следователей, а затем и раннесоветских народных следователей) по проведению невербально-когнитивных приемов. А позднее отчего-то не были приняты во внимание советские процессуальные новшества, состоящие в праве формирования полноценных доказательств органами предварительного расследования во внесудебном порядке. Да и возможности проведения аналогичных по содержанию процессуальных действий, главным образом осмотров, прямо в ходе судебных заседаний, видимо, тоже никогда не наводили «коллективного законодателя» на раздумья о возникающей в этой связи нормативно-нейминговой аномалии. Вместе с тем представляется, что причины подобных законодательных упущений также во многом следует связывать с ненадлежащей теоретической проработанностью соответствующих вопросов. Не исключено, что в противном случае их удалось бы избежать.

Более того, вполне возможно, что в случае существования должной теоретической основы протоколов-доказательств удалось бы не допустить и другой нормативно-нейминговой аномалии – различий в наименованиях подобных формационных активов. Ведь ее возникновение, скорее всего, связано с банальным недопониманием авторами проекта Кодекса сущности и предназначения данных средств доказывания в совокупности с халатным и непрофессиональным отношением к

реализации порученной правотворческой миссии. По всей видимости, ответственные за разработку указанных положений «специалисты», стремясь, с одной стороны, к сохранению преемственности по отношению к положениям ст. 87 УПК РСФСР 1960 г., а с другой – к одновременному расширению арсенала потенциально допустимых средств доказывания за счет открытия ранее закрытого перечня протоколов-доказательств и конкретизации подлежащих оглашению в судебных заседаниях документов, окончательно запутались в собственных намерениях. Причем запутались настолько сильно, что даже оказались не в состоянии усмотреть в результатах своей работы явных, заметных каждому правотворческих ляпов.

Выводы

На основании всего изложенного закономерно возникают вопросы о потребности в устранении наблюдаемых в настоящее время нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств посредством внесения соответствующих корректировок в положения уголовно-процессуального законодательства. Причем ответы на эти вопросы представляются далеко не такими однозначными, какими могут показаться на первый взгляд. Так, шероховатость, состоящая в различных наименованиях данных информационных активов в разных положениях Кодекса, подлежит безусловному устранению – п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 285 УПК РФ должны быть безусловно приведены в нормативно-нейминговое соответствие с «титულიной» ст. 83 УПК РФ.

Тогда как внесение предложений правотворческого характера, направленных на изменение наименования ст. 83 УПК РФ, видится излишним, по крайней мере преждевременным. Существующее название – протоколы следственных действий и судебного заседания – является настолько устоявшимся, настолько укоренившимся в сознании специалистов, что подобные корректировки без заранее подготовленной «почвы» могут привести лишь к новым проблемам и сложностям. В этой связи наиболее разумными представляются меры, состоящие в обеспечении постепенного привыкания юристов к новому

наименованию предусмотренных ст. 83 УПК РФ доказательств посредством разъяснения данных вопросов в научно-практических комментариях к Кодексу, учебной литературе и других доктринальных источниках. И прежде всего, необходимо обращать внимание, что формируемые посредством осмотров, освидетельствований, обысков, экс-

периментов и других предполагающих наглядно-образную перцепцию объективной реальности процессуально-когнитивных приемов средства доказывания надлежит именовать не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами невербальных следственных и судебных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкин, В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. В 3 ч. Ч. 2 / В. М. Галкин. – М. : Центр. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертиз, 1968. – 96 с.
2. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М. : Склад издания в кн. складе М.В. Клюкина, 1910. – 448 с.
3. Кокорев, Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 268 с.
4. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Юристъ, 2009. – 174 с.
5. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М. : Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. – 328 с.
6. Россинский, С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения / С. Б. Россинский // Lex Russica. – 2017. – № 10 (131). – С. 37–46. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046
7. Россинский, С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 9. – С. 85–91.
8. Строгович, М. С. Уголовный процесс : крат. учеб. / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 248 с.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная / отв. ред. Н. В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 415 с.
10. Фельдштейн, Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн. – М. : В. Рихтер, 1915. – 432 с.
11. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Сенатор. тип., 1910. – 572 с.
12. Чельцов, М. А. Уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 624 с.

REFERENCES

1. Galkin V.M. *Sredstva dokazyvaniya v уголовном процессе. V 3 ch. Ch. 2* [Means of Evidence in Criminal Proceedings. In 3 Pts. Pt. 2]. Moscow, Tsentral. nauch.-issled. in-t sudeb. ekspertiz, 1968. 96 p.
2. Dukhovskoy M.V. *Russkij ugolovnyy process* [Russian Criminal Procedure]. Moscow, Sklad izdaniya v kn. sklade M.V. Klyukina, 1910. 448 p.
3. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. *Ugolovnyy process: dokazatelstva i dokazyvanie* [Criminal Procedure: Evidence and Proof]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1995. 268 p.
4. Orlov Yu.K. *Problemy teorii dokazatelstv v уголовном процессе* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Procedure]. Moscow, Yurist Publ., 2009. 174 p.
5. Poznysheshev S.V. *Elementarny uchebnyk russkogo ugolovnogo processa* [Elementary Textbook of Russian Criminal Procedure]. Moscow, Ya. Dankin and Ya. Khomutov, 1913. 328 p.
6. Rossinskiy S.B. *Protokoly sledstvennykh deystvij: problemy processualnoy formy i dokazatelstvennogo znacheniya* [Protocols of Investigative Actions: Problems of Procedural Form and Evidentiary Value]. *Lex Russica*, 2017, no. 10 (131), pp. 37-46. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046
7. Rossinskiy S.B. *Sushhnost rezultatov neverbalnykh sledstvennykh i sudebnykh deystvij kak dokazatelstv po уголовному делу* [The Essence of the Results of Non-verbal Investigative and Judicial Actions as Evidence in

a Criminal Case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2013, no. 9, pp. 85-91.

8. Strogovich M.S. *Ugolovny process: krat. ucheb.* [Criminal Procedure. Brief Textbook]. Moscow, Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1938. 248 p.

9. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom processe. Chast osobennaya* [Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure. Special Part]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967. 415 p.

10. Feldshteyn G.S. *Lekcii po ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Lectures on Criminal Procedure]. Moscow, V. Richter, 1915. 432 p.

11. Foinitsky I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 2* [Course in Criminal Procedure. Vol. 2]. Saint Petersburg, Senator. tip., 1910. 572 p.

12. Cheltsov M.A. *Ugolovny process* [Criminal Procedure]. Moscow, Yurid. izd-vo MYu SSSR, 1948. 624 p.

Information About the Author

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>